

Перспективы левой идеи в постиндустриальном мире

Почему усиление несправедливости
не повышает влияния левой идеи?

Восьмое заседание Интеллектуального клуба «Свободная Мысль»

Участники

- Михаил Делягин** — директор Института проблем глобализации, главный редактор журнала «Свободная Мысль», доктор экономических наук, ведущий Интеллектуального клуба;
- Анатолий Баранов** — главный редактор Интернет-портала Forum.msk;
- Александр Бузгалин** — директор Института социологии Московского финансово-юридического университета, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, один из руководителей Московского экономического форума;
- Гейдар Джемаль** — председатель Исламского комитета России;
- Борис Кагарлицкий** — директор Института глобализации и социальных движений;
- Дарья Митина** — секретарь Объединенной коммунистической партии России;
- Марк Ткачук** — президент университета «Высшая антропологическая школа» в Кишиневе, советник президента Республики Молдова в 2001—2008 годах, член ЦК Партии коммунистов Республики Молдова в 2004—2014 годах;
- Михаил Хазин** — президент Фонда экономических исследований Михаила Хазина;
- Андрей Фурсов** — историк, действительный член Международной академии наук (Инсбрук).

Михаил Делягин. Глобализация и порождаемый ею кризис мировой экономики качественно усиливают несправедливость общественного устройства. Неравенство переходит в беспрецедентную социальную поляризацию, монополизм уничтожает конкуренцию и лишает возможности прогресса целые народы, уровень жизни даже в развитых странах резко снижается на глазах нынешнего поколения, «средний класс» размывается и беднеет, социальные гарантии отменяются, глобальные монополии уже без всякого стеснения контролируют правительства и правят народами в своих интересах, опираясь на ложь и репрессии.

Террор и обман стали нормой не только внешней, но и внутренней политики развитых «демократических» стран.

Даже в экономически успешных странах вместо еще недавно восплаемого «креативного класса», с которым связывались надежды на обретение новой социальной гармонии, растет слой «нового опасного класса» — так называемого прекариата, лишенного всякой уверенности в завтрашнем дне и жизненных перспектив.

Капитализм наглядно исчерпал себя и находится в тупике, что закономерно вызывает огромный рост интереса к работам классиков, теоретиков и практиков марксизма, а также способствует выходу на авансцену политической жизни качественно новых левых партий. Однако это

парадоксальным образом не сопровождается политическими успехами левых: их достижения на местном уровне не ведут к значимым победам в национальной политике. Когда же они приходят к власти, то скорее в качестве патриотов, а не левых (как в Греции), а если и в качестве левых (как в Латинской Америке), то им не удается построить новое общество, и они довольствуются простым смягчением пороков капитализма.

Данный парадокс требует подробного анализа, так как импотенция современных левых производит впечатление исчерпанности и бесперспективности левой идеи как таковой, несмотря на весь рост ее популярности.

Александр Бузгалин. Добрый день, уважаемые коллеги. В данном случае я выступаю скорее как главный редактор журнала «Альтернативы» и человек с действительно последовательными левыми взглядами. И в некотором смысле — как профессор, который занимается проблемами социализма и левого движения на протяжении уже многих десятилетий. Хотя в таких случаях обычно говорят: «столько не живут».

Если говорить серьезно, названный парадокс имеет место. Востребованность, необходимость альтернативной праволиберальным идеям программы налицо. Ответ существует, но он крайне странен с точки зрения традиционных левых, которые привыкли соединять вместе ценности демократии, социализма, интернационализма и считать, что националист — это не левый, а консерватор — это противоположность левому. Сегодня мы находимся в положении, когда не только в России, которая на протяжении последних десятилетий является страной парадоксов, но и во многих цивилизованных (в кавычках или без) странах Западной Европы нарастает парадоксальное противостояние борющихся за социальную справедливость консерваторов, во многом являющихся правыми, и левых, которые уходят в лозунги либертарианства, во многом отталкивая от себя большую часть населения.

Все это накладывается на ситуацию, когда и в мире, и в нашей стране нарастает социальное неравенство. Как старая модель «обеспеченных двух третей общества» — об этом говорится на протяжении уже многих лет, так и старая модель государства «всеобщего благосостояния» трещат по швам.

Причин тому несколько.

Самая глубокая и фундаментальная, на мой взгляд, заключается в том, что поздний капитализм меняет свои формы и дрейфует в сторону нового этапа своей инволюции. Подчеркиваю: не прогресса, не развития, а инволюции — попятного реверсивного исторического движения.

То, что мы называли неолиберальной глобализацией, пока сохраняется как господствующее явление, но уходит в прошлое. На смену ей приходят глубоко консервативные проекты, которые во многом отрицают даже постмодернизм. И реальная политика и со стороны ведущих держав, и со стороны их истеблишмента, и со стороны оппозиций — как в мире, так и внутри развитых стран, — откровенно становится все более консервативной и протоимперской.

Сегодня сращенный глобальный капитал и глобальная государственная номенклатура становятся, как ни странно, национальными или регионально ориентированными, становятся актором, создающим новые протоимперские образования.

Для таких протоимперских образований необходима достаточно однозначная идеология, некий новый большой нарратив. При этом для них вполне возможны жесткие механизмы политического доминирования, а идеологическое манипулирование становится не просто скрытой, подспудной системой воздействия на людей, но вполне открытым механизмом влияния. Экономическая же атака, экономическое подавление, перерастает в едва ли не господствующую форму, скрытую пока еще под лозунгами «свободной» торговли, «свободного» рынка, «свободного» движения капитала.

Альтернативой становится консервативный, фундаменталистский вариант ответа на этот вызов.

Если говорить методологически, то, на мой взгляд, поздний капитализм уперся в стену, тупик, когда из кризиса социал-демократии он стал выходить по неолиберальной траектории. Эта траектория довела до кризиса 2007—2009 годов, и далее надо было либо ломать эту стену, либо откатываться назад, — и пошел откат назад, продолжающийся и в настоящее время.

Соответственно в качестве альтернативы этим протоимпериям США, в меньшей степени Евросоюза, в еще меньшей степени Китая, в еще меньшей степени (по влиянию, но, может быть, в большей степени по идеологии) неким аморфным, неопределенным исламским образованиям в России видят усиление своих государственных державных тенденций.

И это на самом деле — закономерная реакция, напоминающая то, что Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» называли феодальным социализмом. Ситуация, когда общественный строй заходит в тупик, и прошлое становится альтернативой в отсутствие очевидной прогрессивной линии, — тенденция достаточно хорошо известная. Это отнюдь не что-то абсолютно новое — хотя от этого не легче.

Если говорить более конкретно, перед нами сегодня — Русская православная церковь, выступающая на словах с идеями социальной справедливости. Перед нами сегодня — полуфашистские державно-националистические, в лучшем случае славянофильские державные интеллектуальные и протополитические образования в нашей стране, которые также выступают с идеями социальной справедливости. Даже официально оппозиционные партии — КПРФ и, в меньшей степени, «Справедливая Россия» выступают одновременно с идеями и социальной справедливости, и державности, а также, в той или иной степени, верноподданничества. Во многом лозунги социальной справедливости (я подчеркиваю, лозунги) в своей предвыборной риторике используют президент и правящая партия — хотя реальная политика осуществляется однозначно правая, даже не скажу «либеральная», и тоже с элементами феодального господства. Пресловутое «ручное управление», военно-промышленный комплекс,

иерархии, клановые структуры, вассалитет в связях государства и бизнеса — все это черты позднефеодальной структуры.

К сожалению, подобное развитие событий предвиделось. Сошло, будучи не слишком скромным человеком, на конференцию, которую «Альтернативы» проводили более десяти лет назад. Мы тогда поставили в качестве темы обсуждения вопрос о том, куда мы идем: вперед к «обществу знания» и развитию человеческой личности или назад к средневековой и феодализму. И тогда уже звучали со стороны и российских товарищей, и наших зарубежных гостей ответы, что тренд к феодализму более вероятен.

Что делать в этих условиях левым?

Прежде всего, отказаться от постмодернистской методологии и идеологии. Это звучит, как интеллектуальное издевательство над постмодернизмом — «постмодернистская методология», — столь же бессмысленно и противоречиво, как «горячий лед»; но по факту это уже стало идеологией. Стало идеологией утрированное педалирование прав меньшинств, индивидуализма — всего, что можно назвать «либертарианством». Стала проблемной непоследовательность и крайняя ограниченность придерживающихся подобных взглядов умеренных левых в области экономических требований и в области реального изменения распределения общественного богатства.

Я с большой горечью говорил в связи с победой СИРИЗА, что и ее красивые лозунги о социальной справедливости, и ее позитивные социальные программы никак не сопрягаются с решительной атакой на крупный капитал (причем европейский, а не просто греческий), на финансовую олигархию и финансовую номенклатуру. Они не сопрягаются с серьезным сломом значительной части государственного аппарата и опорой на низовое самоуправление как главную основу своей победы. Не той, которая уже состоялась на выборах, а той победы в борьбе за реальную политическую власть, которая могла и должна была бы стать закреплением их успеха на выборах, потому что сами по себе выборы дают очень мало.

Скорее всего слова останутся словами, политика сойдет на традиционную смесь умеренной социал-демократии с умеренным патриотизмом в духе «Справедливой России», и все это дискредитирует победу левых и покажет, что сколько-нибудь радикальные левые являются беспомощными общественными структурами. И это будет большим ударом по всем нам — причем везде, во всех странах.

Какой может быть альтернатива?

На мой взгляд, надо вспоминать старые идеи, которые сегодня должны получать новое звучание. Назову лишь некоторые из них.

Прежде всего, нам надо еще и еще раз подчеркнуть, что если мы будем продолжать производить по рыночным, капиталистическим правилам, то никакое социалистическое или социальное распределение не поможет. Нужно снова обращаться к идеям экономики солидарности, низового самоуправления, прав трудовых коллективов, создания альтернативных форм производства.

Учитывая, что мы живем в XXI веке, многое можно делать в сфере борьбы с интеллектуальной частной собственностью, в деле замены ее альтернативными формами. Многого можно достичь борьбой за общедоступность образования, здравоохранения и культуры, отказом от постмодернистской трактовки культуры, — кстати, это один из принципиальнейших вопросов, включая шоу-бизнес.

Мы должны идти вперед, создавая новые формы экономического, общественного, производственного, нерыночного, несчастного бытия внутри капиталистической системы. Да, это реформистский лозунг, но это очень жесткий реформистский лозунг. Я бы предпочел идти еще дальше, но он является необходимым минимумом.

Кроме того, в области политики нам надо больше думать и говорить о «демократии корней и травы» и уйти от фетишизации парламентаризма. Это старый лозунг левых, но мы не обойдемся без того, чтобы вынести его на первый план в качестве практического лозунга — ну, скажем, в той же Греции, передавая людям права, в том числе радикальные права на захват, на создание альтернативных государству структур, на поправки прежних «правил игры». В некотором смысле надо ломать социал-демократические либеральные «правила игры» в рамках государственного аппарата. Без таких лозунгов мы не сдвинемся просто потому, что нас никто не поддержит.

В идеологии нам надо понять, что заимствование всего, чего можно, и всего, чего нельзя, из либертарианства — пагубный путь. Сегодня левыми из либертарианства заимствуется не столько его позитивное содержание — низовое самоуправление и «демократия корней и травы», сколько права тех, кто развивает механизм отчуждения, пользуясь идеями прав меньшинств и подобными им.

Перечисленное мною не найдет, думаю, популярности у многих политиков на Западе, но в странах типа России эти лозунги будут востребованы. Нам надо вырвать у правых идеи нравственности и морали.

Левые традиционно стараются обходить эти темы, поскольку для многих слова «нравственный императив», «мораль», «моральное ограничение» звучат в каком-то религиозном, старомодном, консервативном духе, — и левые ошибаются в этом.

Ведь за этими словами будущее. Наше будущее — мир, который устроен не по формальным юридическим правилам, а по правилам гуманизма: именно такой мир является царством свободы, к которому мы стремимся, а мораль — это путь в этот мир.

Если мы будем однозначно говорить: «Мы знаем критерии прогресса, мы можем сказать, что нравственно и что безнравственно», — мы признаем тем самым за обществом право формулировать свой нравственный императив. Не «моральный кодекс строителя коммунизма», который звучал, как нечто беззубое и малоосмысленное, но достаточно четкую формулировку во всех ключевых вопросах, где идет внятная содержательная дискуссия. Если мы это сделаем, дав ответ на этот вопрос — не консервативный, не религиозный, а исходящий из идеи действительно позитивной свободы человека, мы получим необходимый результат, в том числе и в сугубо политической сфере.

В настоящее время люди созревают до необходимости альтернативной официальной повестки дня.

И постскрипtum, который я бы адресовал молодому поколению, начинающему сегодня что-то искать. В каком-то из фантастических фильмов было выражение «он хочет странного», — и того, кто «хотел странного», то ли расстреливали, то ли вешали.

Так вот, молодежь сейчас «хочет странного». И думаю, им можно предлагать альтернативу, можно говорить: «Ребята, давайте создадим новые “правила игры”, новые смыслы и новые образы, новый стиль жизни». Если мы сегодня в обмен на индустрию моды, с одной стороны, и ужасающее безразличие к красоте, с другой, предложим индивидуальную красоту, когда каждый создает свой стиль жизни, одежды, прически, поведения в рамках определенных нравственных императивов, — в этом действительно что-то может быть. Когда чуть ли не отличительной чертой левых, чуть ли не их нормой является быть некрасивым, неряшливым, обормотом, — с этим в будущее не пойдешь. Когда нормой становится желание любой ценой и любым образом выделиться из общего ряда, — с этим не пойдешь. И когда все обязательно надо делать по правилам, — это тоже не путь в будущее.

Парадокс левых состоит в том, что они могут бесконечно рассуждать о революции, но остановятся перед красным светом на пустой улице, когда направо и налево на 300 метров нет ни машины, ни даже велосипеда. Такие левые не смогут работать: в каких-то определенных случаях левые должны смело идти на красный свет.

Борис Кагарлицкий. Очень приятно, что есть интерес к этой тематике, хотя начало было если и не откровенно пессимистичное, то, во всяком случае, не супероптимистичное. И все равно пессимизма было недостаточно, потому что, если его не будет значительно больше, никакой перспективы, никакого прорыва не будет.

Мы должны прежде всего признать принципиальную неадекватность современного левого движения, по крайней мере в России, но также и в Западной Европе, и практически во всех других местах. Если мы эту позицию изначально принимаем как фундаментально важную, тогда, действительно, есть возможность создать левое движение для будущего.

На самом деле ничего трагичного в этой неадекватности нет. Общество меняется, мир и жизнь меняются, и те политические, идеологические, организационные и даже социальные формы, которые создавались под определенные задачи в определенную эпоху, в другую эпоху устаревают. Оказываются неадекватными, но при этом цементируются, становятся институтами, в том числе и идеологическими, и оказываются в конце концов более живучими, чем те социальные явления и задачи, которые их когда-то породили. Поэтому через определенное время их надо ломать.

Напомню любопытную вещь. История показывает повторяющуюся ситуацию, в которой кризис левого движения достигает пика именно во время кризиса капитализма. Наблюдатели, особенно заинтересованные,

думают: «О, кризис капитализма, тут-то левое движение и поднимется», — а ничего подобного. Каждый раз, когда капитализм в кризисе, он, во-первых, сопровождается кризисом левых организаций и, во-вторых, выявляет те диспропорции, проблемы и несостоятельность, о которых я говорил ранее.

То есть, пока все идет более-менее нормально, можно «ехать» по инерции на старых, накопленных в прошлом формах и идеях. А вот когда стало ненормально, и от вас начинают требовать каких-то переломных действий, вы понимаете, что не можете их совершить. Более того, небольшая группа людей этого тоже сделать не может, это достаточно комплексный процесс.

Теперь несколько слов о положении российских левых — почему все вроде бы так плохо. Все очень любят говорить о том, что Россия — страна левая, что у нас население очень любит справедливость. Хотя при слове «справедливость» я просто прихожу в отчаяние, поскольку понимаю, что, когда левые говорят о «справедливости», у них нет никакой политической перспективы, и они никогда не создадут никакой экономической программы.

Энгельс был абсолютно прав: понятие «справедливость» с научным социализмом не имеет ничего общего. Вспоминаю слова Стругацких в романе «Понедельник начинается в субботу», где античный мудрец говорит: «Мы построили справедливое общество — у нас у каждого последнего землепашца есть не менее двух рабов». Справедливость — это лишь то, что на данный момент в данном обществе считается справедливым. Справедливость консервативна по самой своей сути; другое дело, что консервативная идеология при определенных обстоятельствах может оказаться крайне подрывной по отношению к государству.

Когда государство не соответствует тем нормам, которые само же воспитывает, само же утверждает и внушает населению (а это случается сплошь и рядом), тогда консервативные идеологии становятся подрывными — что, собственно говоря, в настоящее время в России и происходит. Пропаганда консерватизма сегодня для реально существующего государства является способом самоподрыва; хотя как быстро и в какой именно форме он произойдет — это отдельный вопрос.

Что плохо у левых? Принципиально плохо то, что у них на сегодня просто не может быть активной социальной базы, поскольку их социальная база лежит «под властью» — под «путинским режимом», под «управляемой демократией», под «Единой Россией» в конце концов. Под широко распространенными иллюзиями, что наш президент защищает нас от им же назначенных либеральных министров. Это реальный факт массового сознания в сегодняшней России, и пока он не будет преодолен, говорить о массовом левом движении и каких-то его перспективах просто нет смысла.

Другой вопрос заключается в том, что длительное время так скорее всего продолжаться не будет, потому что в изменившейся ситуации неминуемы раскол элит и возникновение новых коалиций.

Всякий политик живет ровно столько, сколько существует некая модель политики, в рамках которой он вознесся наверх и функционировал. Проблема сегодняшней российской власти состоит в том, что та модель общественной жизни, в рамках которой сложился существующий политический режим, приказала долго жить вместе с экономическим благосостоянием и потоком нефтедолларов.

Нынешний экономический кризис — это не некая «болтанка» или «турбулентность», как говорят люди, утешающие кремлевских лидеров. Это переломное событие, и представление, что пройдет год, два, три, и все останется в принципе таким же, каким было раньше, — абсолютно ложно. Нынешние события — лишь начало радикальных, далеко идущих изменений.

В этой ситуации, повторяюсь, неминуемы раскол элит и новые «расклады», коалиции и соотношения сил. Более того, те представления, которые мы имеем относительно того, кто у нас оппозиция, а кто власть, тоже очень быстро меняются.

При этом условием для массового сопротивления российской модели капитализма, на мой взгляд, является открытая победа либералов на уровне официально декларируемой власти. Сейчас либералы управляют, но декларируемая власть формально не у них. И до тех пор, пока центристская шизофрения будет перекрывать и тем самым прикрывать либеральную паранойю, мы не получим никакого массового протеста, который будет удобной площадкой массовой деятельности левых и предъявит запрос на идеологию левых.

При этом сами левые в подобной ситуации, предоставляющей им исторический шанс, начинают довольно нелепо метаться, зримо напоминая пословицу «В чужом пиру похмелье». В настоящее время мы прекрасно видим, как одна группа левых кидается в объятия либералов, исходя из той логики, что, поскольку победа либералов обострит противоречия, надо помочь им победить. И это выглядит логично, — если только забыть, что если вы хотя бы один-единственный раз прибьетесь к этому лагерю, то никакие социальные протестные массы вас никогда не поддержат и никогда с вами общаться не будут. Вы себя навсегда дискредитируете в их глазах, — и массы будут абсолютно правы.

Другая широко распространенная среди левых позиция — это позиция злобных резонеров, неподвижно сидящих и яростно осуждающих любую практическую деятельность, потому что она не является чистой, правильной с точки зрения их представлений о том, как надо интерпретировать марксизм. Исходя из этого, мы критикуем не других интерпретаторов марксизма, что было бы не так страшно, но реальность как таковую. Проблемой оказывается сама реальность.

И наконец, третий вариант поведения левых заключается в том, что они бегут к толпе, которая вышла с любыми критическими протестными лозунгами, и встают рядышком с флажком и лозунгом: «Мы такая-то организация, мы вас поддерживаем». И это действительно занятно, потому что массовым протестным движениям нужна поддержка левых там, где они возникают, даже если это локальные протестные движе-

ния в какой-то конкретной точке. Но ведь им нужны не пять человек с плакатиками, которые ничего не меняют! Вот если эти пять человек придут с идеями, программами, организационным опытом, с какими-то представлениями о стратегии и развитии движения — тогда от них есть какая-то польза. А в противном случае они просто лишние на любом празднике жизни.

Что в этой ситуации остается делать?

Нужна дискуссия, позволяющая формировать программные проекты, островки стратегических инициатив, которые могут быть востребованы новым движением, если таковое появится. Если не появится, сразу предупреждаю, наша работа прошла зря. Очень может быть, что так и будет: мы ведь не знаем, что будет в ближайшем будущем, — но думаю, потребность такая появится достаточно скоро, если не появилась уже.

И последнее, что мне представляется принципиально важным: мы должны понимать, что никаких чисто классовых коалиций, чисто классовых движений в ближайшее время не будет. Социальная структура современного общества не такова, какова была структура общества начала XX века или тем более во времена Карла Маркса. Кстати говоря, отсюда совершенно не следует, что классовый анализ становится неактуален: он остается таковым для понимания глубинных противоречий реального общества, в основе которых все равно лежат классы и их отношения между собой.

Однако надо понимать, что реальная структура современного общества крайне размыта и фрагментирована, очень сложно и непоследовательно структурирована, поскольку структура тоже находится в противоречии: это не единая вертикаль, а несколько переплетающихся спиралеобразных иерархий. И понятно, что в этом смысле запрос на левую идеологию — это запрос не только на идеологию, но и на гегемонию, которая позволит сформировать широкие социальные блоки в этом довольно рыхлом социальном материале.

Политика начинается там, где мы собираем силы, собираем разные элементы и выстраиваем их в систему взаимодействия. И здесь нужны программы, экономика, социология и политика — но политика, понимаемая как искусство возможного, а не абстрактные фантазии о том, как было бы хорошо, если бы было все правильно.

И как ни парадоксально, многие концепции, которые можно было бы определить скорее как лево-социал-демократические — такие, как смешанная экономика, восстановление общественного сектора в рамках не чисто плановой экономики, а в рамках более сложного экономического контекста, как активная общественная политика, как создание современной инфраструктуры, в которой Россия катастрофически нуждается, — все это уже вполне актуально. А главное — это стихийно востребовано обществом. И тут не нужно изобретать велосипед.

Самое смешное, что существует целый ряд идей, которые для Западной Европы, может быть, являлись бы уже вчерашним днем, но для нас они вполне бы работали; другое дело, что они должны быть положены в современный контекст.

И еще одно важное обстоятельство: все это сработает только в том случае, если мы не будем пытаться замкнуться в наших узких рамках. В любом случае программа левых сегодня — это не просто программа новой экономической экспансии, ориентированной на решение социальных задач. Это и программа новой Евразийской интеграции, которая находится в противостоянии с проектом неолиберального Евросоюза. Это принципиальное обстоятельство, и если мы его не учитываем, мы неминуемо попадем в тупик.

И к вопросу о Греции: проблема СИРИЗА только одна, но она является неразрешимой, — у них очень маленькая страна. Эта маленькая страна не может осуществить даже те конкретные изменения, которые назрели в самой же Греции, потому что она сталкивается с механизмом неолиберальной интеграции Евросоюза.

У России ситуация совершенно иная. Но не вызывает сомнений, что нашей стране опять предстоит сыграть роль некоторой интернациональной силы, способной стать притягательной для других элементов общественного преобразования в Евразии. И вы можете сколько угодно говорить, что это звучит как имперство и евразийство: это, может, кому-то не нравится, но факт состоит в том, что есть экономика, есть экономическое пространство, есть требования современных масштабов хозяйствования. И если мы не сможем соответствовать уровню современных задач, то, увы, ничего хорошего нас не ждет.

Марк Ткачук. Думаю, если бы такой «круглый стол» собрали, например, либералы или консерваторы, находящиеся в оппозиции, и назывался бы он «Перспективы либеральной идеи в современном мире, и почему мы не можем оказывать сопротивление массовым левым протестам» или что-нибудь в этом роде, — очень сложно понять, что бы они на нем обсуждали.

Наверное, их волновали бы сугубо организационные вопросы: как организовать какой-нибудь пугч, очередную реконкисту, переворот, интервенцию — но ни в коем случае не круг идей, теоретических концептов, что звучат у нас, у левых, и с чего всякий раз начинается наша дискуссия. Это наша принципиальная особенность, отличительная родовая черта; но я бы хотел добавить, что любая проектность, любой взгляд в будущее в перспективе двух-трех поколений неизбежно оказывается левым.

Не-левые проекты — это оксюморон, их просто не бывает.

Не случайно даже в самой консервативной современной историографии всегда незримо или явно соединяли в один сложно связанный паттерн таких реформаторов, как Петр I, Кемаль Ататюрк, Ленин и др. С точки зрения консервативного наблюдателя они оказывались гораздо более близкими друг другу, нежели являлись на деле.

Я говорю это потому, что в нынешнем постиндустриальном мире, как он себя достаточно легко обозначил, не существует никакого нового, свежего адекватного левого проекта — и, соответственно, не существует вообще никакого проекта. Сегодняшнее общество тем и отличается, что является беспроектным.

И если уж говорить о каких-то функциональных отличиях от современного или, если угодно, постиндустриального капитализма, то, вероятно, главной его чертой — и по этому поводу на Западе идет большая дискуссия — является то, что в современном массовом сознании, в современной ментальности представителей ядра постиндустриального общества исчезло будущее время.

Происходит наглядная архаизация сознания.

То, что мы еще 15 лет назад могли оценивать как ментальность древнего архаического человека, «туземца», «дикаря», — все, что было свойственно ему (очень смутное представление о прошлом, практически никакого представления о будущем, ситуативность и цикличность восприятия реальности), сегодня является визитной карточкой массовой европейской, североатлантической и какой хотите ментальности. И не только какого-то «разлагающегося Запада», но и всех нас, кто находится в потребительском кругу этого основного ядра современной цивилизации, которое генерирует ценности, товары и все то, что мы так росто и беспощадно для себя потребляем.

Франсуа Артог, знаменитый исследователь, напрямую связал этот ментальный перелом, эту беспроектную темноту, этот мрак «темных веков», который наступает, с решительной победой либерализма и общества всеобщего потребления. Он показывает, как это общество, осуществляя экспансию, расширяет исключительность представлений о настоящем. «Здесь и сейчас» — всегда и везде это логика либералов.

И в этом смысле мы можем говорить, что в современном постиндустриальном (называйте его как хотите) мире победила либеральная архаика.

Она сопровождается еще одним удивительным новообретением, тоже сугубо из круга аналогий эпохи раннего феодализма, послемикенского регресса и прочих «смутных» и «темных» времен. Обратите внимание, как вдруг маргинальные консервативные идеи, вроде идей Самюэля Хантингтона, не просто превратились в интеллектуальный мейнстрим, но и, более того, стали реальностью.

Они стали программировать современную реальность, экспертную среду: люди говорят как о предельно актуальных явлениях о вечном конфликте между исламом и христианством, между православием и католичеством, между Югом и Севером.

Победившая экспансия внеисторизма вытаскала на поверхность совершенно феодальные по своей сути доктрины. Они обрамлены в красивые обложки, написаны не на пергаменте, не в кожаном переплете — но они точно так же воняют телячьей кожей. И мы легко можем поддаваться искушению и начать рассуждать в таких же категориях.

Совершенно ясно, что проявлением архаизации является, например, карнавал ряженых, которых мы имеем сейчас перед глазами в качестве ИГИЛ, имеющего такое же отношение к великому наследию исламского воина Салах ад-Дина, как Джордж Буш — к своему дальнему родственнику Ричарду Львиное Сердце, хотя последний и провозглашал очередной поход против ислама.

Нас всюду окружают симулякры, порожденные феодальным ситуативным мышлением; их немало и на постсоветском пространстве, где мы видим, например, с одной стороны, свидомых бандеровцев, а с другой — противостоящих им реконструкторов-деникинцев. И вот они бесконечно играют в этот карнавал, — но при этом гибнут люди, проливается настоящая кровь.

В таких условиях, когда практически полностью исчезают предпосылки для проектности, для формирования каких-то долгосрочных теорий и систем взглядов, очень сложно предъявлять претензии историческим левым — они такие же люди, как и все остальные. В их ментальности точно так же сужается горизонт времени, сознания, и точно так же начинают доминировать простые житейские ценности: как-то выжить, как-то устроиться, не жертвовать (зачем проявлять лишний раз солидарность) и т. п. Вы много слышали о каких-либо теоретиках и мыслителях левого движения, которые каким-то образом продемонстрировали свою жертвенность где-нибудь на постсоветском пространстве, в Европе? Да нет таких. Последний из известных теоретиков — политзаключенный Тони Негри, но и это, извините, плохой случай.

В таких условиях, когда практически полностью исчезают предпосылки для проектности, для формирования долгосрочных теорий и систем взглядов, сложно предъявлять претензии историческим левым — они такие же люди, как и все остальные. В их ментальности точно так же сужается горизонт времени, сознания, и точно так же начинают доминировать простые житейские ценности.

В такой беспроектности, в победившем, может быть, средневековье, если согласиться с Николаем Бердяевым или Умберто Эко (это их терминология), с этой демодернизацией вдруг появляются совершенно уникальные прецеденты. К ним можно относиться снобистски, свысока, с академической кафедры «отшлепать» их — мол, не то, не получилось, вернитесь обратно, заново вернитесь к власти. Я говорю об Исландии, Греции и СИРИЗА, Молдавии, из которой я родом и где достаточно занимался политической деятельностью в качестве коммуниста под красным знаменем в центре Европы.

Какие два родовых признака отличают эти три прецедента, эти три восстания против настоящего?

Во-первых, во всех трех случаях левые проекты, с любой критической оценкой их левизны, возникли как последний шанс на выживание. Ну нет больше никаких ресурсов, никаких возможностей, все варианты перебрали, — давайте от безысходности попробуем и вот это.

Во-вторых, во всех трех случаях в идейно-теоретическом плане начинает проявляться все то, что мы называем радикальным демократическим социализмом, то есть опорой на прямую демократию. У молдавских коммунистов это проявилось уже в оппозиции скорее, чем во власти, но, тем не менее, стало тканью, плотью, которая перестала быть лозунгом и стала реальной практикой политической борьбы и повышения авторитета.

Два слова о том, чем закончился этот эксперимент, в котором находился и я. Две демократические победы партии коммунистов на выборах, под красным знаменем и с президентом-коммунистом. За восемь лет правления все наши победы были признаны международными наблюдателями демократическими. За эти восемь лет мы увеличили бюджет страны в 4 раза, в 6 раз — запасы кредитно-денежной системы национального банка. Исключительно за счет своих ресурсов, без всякой финансовой поддержки извне построили порт на Дунае, на 88 процентов газифицировали страну (когда пришли, уровень газификации составлял лишь 13 процентов). Мы в 8 раз увеличили заработную плату, в 14 раз — инвестиции в науку и инновации. Международный индекс цитирования молдавских ученых увеличился на 65 пунктов.

Кроме всего прочего, мы провели ряд сомнительных, с точки зрения классических левых взглядов, реформ.

Так, на седьмой год нашего правления возникла проблема, когда оказалось, что полиция и контролирующие органы буквально паразитируют и не дают подняться молдавскому предпринимателю, — а собственность была денационализирована на 100 процентов еще до прихода нас к власти. Как быть? Наша цель — расширение занятости, мы ведем агрессивную кампанию по повышению платежеспособного спроса, нам категорически нужны новые рабочие места; а в это время наша полиция, контролирующие и фискальные органы душат и давят, проверяют и контролируют.

Мы пошли на беспрецедентные меры: ввели нулевую ставку налога на прибыль и провели полную фискальную амнистию с 1991 года, заявив предпринимателям: мол, государство было некорректно по отношению к вам, вы были некорректны по отношению к государству, — давайте начнем «с чистого листа», а о старых грехах забудем. Результатом стало увеличение за один год внутренних инвестиций в молдавскую экономику в 8 раз. И в период разразившегося экономического кризиса бедная Молдавия, которая является предметом анекдотов, вошла в пятерку стран с наибольшей финансовой устойчивостью по версии журнала *The Banker*, приложения к *Wall Street Journal*. Потому что сумела сделать реальные накопления и сумела их потратить так, что бизнес не обращался к государству.

Мы проиграли выборы, и пять лет мы находились в оппозиции. Как говорил Черчилль, «люди устали наблюдать людей в хаки» и сменили власть там, в Великобритании; нас тоже устали видеть, и мы ушли в оппозицию демократическим путем.

Но мы не просто сохраняли свой рейтинг, мы наращивали его. Ни один телевизионный канал в России не показывал 40—70-тысячные демонстрации и социальные марши, которые проходили в Кишиневе. Они совсем не похожи на то, как выступают левые на остальном постсоветском пространстве, — ни эстетически, ни организационно. Возникла совершенно новая форма организации протеста и вообще контроля за властью — так называемые гражданские конгрессы, что-то подобное Советам. Так мы действовали пять лет, будучи в полном одиночестве. И в конечном счете ничего у нас не получилось, потому что под бременем обстоятельств, которые оказались выше наших лидеров, эти лидеры отказались от основных своих базовых лозунгов, которыми поднимали на борьбу все молдавское общество: «Молдова без олигархов», «Таможенный союз», «Активная протестная борьба». В результате на последних выборах коммунисты набрали 21 мандат из 101; по нашим представлениям, это катастрофа, потому что без особого напряжения могли набрать более 60.

Наши перспективы связаны не с проектом — проектом это назвать нельзя, это скорее реакция на кризис в постсоветском пространстве. Когда волна кризиса смыла спекулятивный капитал, вдруг обнаружился остов реальной экономики, который начал вспоминать о связях, о кооперации, — и в результате начал формироваться сначала Таможенный, а затем и Евразийский союз.

Понятно, что будущего у этого союза в его консервативном воплощении не может быть: если заглянуть на десятилетие вперед, он может быть продолжен и развит только в левом дискурсе и левой политической практике.

Мы должны понимать, что, если Евразийский союз будет, у него должен быть Евразийский парламент. Не какая-то там Ассамблея стран СНГ с совещательным голосом, которая сейчас находится в Санкт-Петербурге, а полноценный парламент. Это значит, что сегодня левым нужно создавать наднациональные политические партии, строить настоящие Интернационалы, заниматься практической работой, нацеленной на будущее через поколение. Воспитывать левое движение, собирать его заново по частям без снобизма и менторства.

Таким образом, мы преодолеем фломастерные линии, которые нарисовал Хантингтон в его русских, украинских, белорусских, постсоветских и каких угодно версиях. Потому что только левые способны на интеграцию народов и национальных ценностей. У нас уже это получалось, и развалились мы не по этой причине.

Михаил Хазин. Вся современная левая теория, которая является именно левой (а не то, что Ленин называл оппортунизмом, то есть со-

зданная капиталистами псевдолевая псевдотеория), завершилась где-то в 1930—1940-х годах. С тех пор ничего особенно нового придумано не было. Главная проблема в том, что не была разработана классовая теория в соответствии с новыми, принципиально изменившимися условиями.

В то же время капиталисты тоже не дремали и создали некий феномен, который появился еще в конце 1940-х — начале 1950-х годов, а в полную политическую и идеологическую силу вошел уже в 1980-е, — феномен среднего класса. Средний класс представляет собой сообщество людей с типовым потребительским поведением, причем потребительским не только в смысле товаров и услуг, но и политических услуг тоже. В результате на Западе возникла замечательная двух- или двух-с-половиной-партийная система, при которой две абсолютно одинаковые партии, немного различающиеся той окраской, которую на них нанесли, между собой как-то конкурируют.

Все это, разумеется, происходило на фоне противостояния с Советским Союзом и выполняло роль своеобразного фигового листка, а также на фоне бурного экономического роста, связанного вначале с сокращением независимых систем разделения труда после войны, а начиная с 1981 года — со стимулированием частного спроса и активной эмиссией. Затем сыграло свою роль разрушение Советского Союза.

С кризисом (проявляющемся в падении эффективности капитала из-за невозможности расширения рынков), который наблюдался в конце XIX—начале XX века, потом в 1930-е, потом в 1970-е годы, мы столкнулись сегодня снова, и, в отличие от предыдущих случаев, из него нет естественного выхода с сохранением всех старых правил. По банальной причине: расширить рынки сбыта больше невозможно.

Вместе с тем стимулирование спроса в рамках политики рейганомии сначала в США, а потом и по всему миру привело к тому, что сегодня средний уровень жизни в тех странах, которые принято называть «развитыми», много выше, чем он мог бы теоретически быть, исходя из реальных доходов граждан этих стран. Можно привести только один показатель, очень простой: средняя зарплата в США по покупательной способности соответствует средней зарплате 1958 года. Все потребление сверх этого вызвано стимулированием спроса, то есть эмиссией и тем, что называется «разграблением бедных стран».

Абсолютно точно можно сказать, что через три—пять лет феномен среднего класса исчезнет. Это означает, что классовая структура общества радикально меняется. Богатые и капиталисты никуда не денутся, а вот среднего класса больше не будет.

Иными словами, прямо сейчас, на наших глазах и с нашим участием, восстанавливается ситуация, которая была в начале XX века, — причем даже в худшем виде, потому что в Российской империи и в государствах Центральной Европы (Германии и Австро-Венгрии) было достаточно многочисленным крестьянство, которое могло само себя кормить.

Сегодня этого нет, и мы видим, что в обозримой перспективе 50—70 процентов населения этих стран лишаются источников существования. Они живут в городах, поэтому им нужно жилье — а у них нет денег, чтобы за это жилье платить. Им нужна еда — а у них нет денег, чтобы эту еду покупать. Выращивать ее они не могут — потому что, во-первых, не умеют, а во-вторых, земля частная.

Возникновение этой ситуации потребует радикального изменения всей классовой концепции и политической модели во всех странах мира.

А в условиях, когда людям перестают давать деньги, они начинают думать о справедливости.

Есть три базовых направления, в которых можно искать справедливость. Направление первое — национализм: мол, мы живем плохо, потому что всякие инородцы отнимают у нас то, что нам по праву принадлежит. Современная Украина представляет собой совершенно типичный пример такого подхода на государственном уровне. Ничего хорошего, разумеется, из этого не выйдет. Но мы порой видели некоторые временные позитивные экономические изменения, достигаемые на основе национализма, — достаточно вспомнить Германию 1930-х годов, хотя там, правда, были и другие эффекты, связанные с результатами Первой мировой войны.

Второе направление поиска справедливости — религия. Символом этого пути является в настоящее время «Исламское государство».

Третье направление — коммунистическое.

Других направлений нет.

Сегодня в Европе идет схватка между двумя первыми направлениями: между исламской и националистической справедливостью. Но, как нас учат китайские товарищи в стратагемах о связке трех сил, это означает, что, когда они сильно друг друга побьют, на первый план выйдет коммунистическая идея.

Нужно добавить еще одну мысль, за которую я глубоко благодарен присутствующему здесь Гейдару Джахидовичу, объяснившему мне в свое время три возможных подхода к современному миропорядку. Первый подход заключается в том, что миропорядок человека устраивает; второй — в том, что миропорядок надо исправить, но не ломать; а третий исчерпывающе описывается классической формулой «весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...».

Наши представления о левой, то есть коммунистической, идее связаны с тем, что в конце XIX — начале XX века именно коммунисты олицетворяли этот последний подход. Они были принципиальны в своей позиции и готовы были жизнь за нее отдать.

Тут говорилось, что в настоящее время нет осмысленных левых. Разумеется, если ты не готов отдать за идею жизнь, практическое значение имеет лишь один вопрос: а за сколько тебя в таком случае можно купить? А если у вас в руках эмиссионный центр, как у современных США, то цена покупки вообще вопросом не является. Поэтому сегодня аналогом

коммунистов конца XIX — начала XX века являются не левые, а политический ислам. И по этой причине он единственный, кто сегодня пытается активно переустроить мир.

Из сказанного следует некоторые достаточно очевидные выводы.

Первое: политическая конфигурация в мире в ближайшие три—пять лет радикально изменится, поскольку радикально изменятся действующие силы. Капитализму во всех его проявлениях придется очень тяжело. Возможно, настолько тяжело, что он в нынешнем своем состоянии исчезнет в силу невозможности самоподкармливания. В частности, скорее всего резко упадет технологический уровень человечества.

Второе: тот, кто предложит в этой ситуации какую-либо общеприемлемую идею переустройства мира, очень сильно выиграет. Если это будут левые, то у них есть серьезный шанс.

И третье: проблема ислама, который пока выигрывает, состоит в том, что он очень архаичен. Не буду сейчас говорить о причинах, но исламское общество ортодоксально и в силу этого поддерживать современное технологическое производство не может.

Однако в силу совпадения ценностной базы ничто не мешает возникновению своего рода гибрида, в котором ценностные идеи будут поддерживаться исламом, а экономические идеи — развиваться в рамках социалистических схем.

Обращаю ваше внимание, что гибель первого социалистического государства, если смотреть на фундаментальные факторы, произошла по очень простой причине: потому что у той теории, которая была в основе, полностью отсутствовала мистическая компонента. Символ веры имелся — «учение Маркса всесильно, потому что оно верно»; а вот мистическая компонента была убрана. В результате, когда уровень жизни населения стал расти, а Никита Сергеевич Хрущев заявил, что самое главное — это материальный уровень строителя социализма, выяснилось, что материальный уровень подминает под себя все ценностные факторы вообще. И мы благополучно перешли к капитализму, даже не поняв, что произошло.

Именно по этой причине незадолго до смерти Сталин говорил, что самым главным является хорошая теория, без которой нас сомнут.

Сегодня можно сказать совершенно точно: в ближайшие три—пять лет появится дикий идейный вакуум, который можно заполнить левой идеей при условии, что будут люди, всерьез и систематически размышляющие на эту тему.

Гейдар Джемаль. Причина того, что левая идея так очевидно и мощно просела, не вызывает никаких сомнений: потому что она отказалась от идеи того, кто является субъектом власти в оптимальном социуме, то есть от диктатуры пролетариата. Пролетариат, на мой взгляд, не был идеальной концепцией претендующего на власть социального субъекта прежде всего потому, что его концепция предполагает некую внутреннюю двойственность: пролетариату еще нужна партия профессиональ-

ных революционеров, то есть партия бюрократических няnek, которые должны этот пролетариат вести и окормлять.

И тем не менее лучше такой субъект, чем никакого вообще.

С того момента, как левые сдают свои идейные позиции — и тут Михаил Леонидович очень хорошо сказал о рождении рейганомики и оформлении среднего класса, с того момента, как начинает создаваться некое глобальное общество, которое якобы объединено сверху донизу концепцией некоего будущего блага, с того момента, как вырезается концепция атакующего класса, о левой идее уже можно спокойно забыть.

Паллиативы диктатуры пролетариата в виде грамшизма, попытки сделать ставку на интеллигенцию как некий эквивалент такого политического субъекта в принципе несостоятельны. Интеллигенция нас в юности сместила в рамках советской теории «социальной прослойки», однако есть некая реальная практика, очень убедительно показывающая, что интеллигенция как некий термин в качестве политического класса не может быть состоятельна.

Я напомним две фигуры: Луи Арагон и барон Эвола. Один — на крайнем сталинско-коммунистическом, другой — на столь же крайнем фашистско-эзотерическом фланге. Оба прошли через дадаизм, оба имели экзистенциальный опыт 1920—1930-х годов, это классические представители европейской интеллигенции 1920—1930-х годов, превратившиеся в полюса, противостоящие друг другу.

Левая идея не смогла удержаться на концепции субъекта власти — а без субъекта власти говорить об историко-проектном мышлении невозможно. Невозможно быть за справедливость вообще, невозможно быть за человека вообще, невозможно быть за все хорошее. Можно выступать только с позиции атакующего класса.

Кто есть этот атакующий класс? Развал большинства социума в виде среднего класса, его обнищание и пауперизация не дают такого субъекта. То, что средний класс развалится и уйдет куда-то вниз, ниже линии социального экватора, нам ничего не дает.

Не только развалилась в левом проекте субъектность классового порядка, но развалились и фундаментальные мировоззренческие платформы, то есть исчезла онтология, которая было более-менее сформулирована на базе левого гегельянства ко второй половине XIX века. Левое гегельянство, Фейербах с переходом к Энгельсу создали эту платформу. Я не стою на ней, но признаю, что были созданы фундаментальные условия для глобального мировоззренческого восприятия реальности в целом, с помощью которой можно было доказательно сконцентрироваться на каких-то задачах и сформулировать некие жесткие ориентиры, которые позволяли выступать в качестве субъекта истории. Сегодня этого нет, потому что эта онтология энтропировала по вполне объективным обстоятельствам.

Левая идея не является идеей как таковой, потому что действует в онтологическом вакууме. Нет политической философии, существует дроб-

ное, пиксельное восприятие мира, доминирует ползучий эмпиризм социально-экономического порядка, и это обрекает все политические движения на тупик.

Для протестных сил — подчеркиваю, не для левых, а для протестных, бросающих вызов мировому глобальному обществу, — необходимо сконцентрироваться на том, кто является перспективным субъектом политической власти, кто является атакующим классом. Для этого нужно понять прежде всего, что мы имеем в виду под «классом» вообще. Теория, согласно которой классом является комбинация вписанностей человека в определенную схему производительных сил и распределения, больше не работает. Сегодня человек атомизирован и может начать с научного сотрудника, стать олигархом, потом зеком, затем беглым политиком; произошла подавляющая люмпенизация большинства населения, его деклассирование.

А средний класс — это не классовое определение. Оно исходит из объема потребления, — причем потреблять может как вор, так и квалифицированный программист, который завтра легко может перестать быть программистом и стать членом организованной преступной группировки.

Сегодня мобильное общество делает всех люмпенами, но не в лохмотьях, как говорит первоначальное значение этого слова, а люмпенами, возможно, вполне неплохо живущими. Поэтому социально-экономические характеристики, вписанность в производительные силы строго определенным образом не могут быть сегодня критериями класса.

Что же может быть таким критерием класса? В 1920—1930-е годы в советском интеллектуальном поле была популярна концепция, в свое время казавшаяся мне удивительной, несколько мутноватой, но к настоящему времени уже несколько прояснившаяся, — психоидеология.

В 1920—1930-е годы в советских работах по политической философии, которые, конечно, потом были вычеркнуты из актуальности, мы встречаем термин «психоидеология». Это апелляция к некоторым психосоматическим типам, которые предрасположены к определенной модели поведения, идеологической и социально-политической. То есть те идеологии, которые предполагают жертвенность, те практики, которые в себе эту жертвенность несут, — это один тип психоидеологии; рваческий потребительский подход — это другой тип психоидеологии; и т. д. Сегодняшнее понимание того класса, который должен быть атакующим политическим субъектом власти, — это ставка на психоидеологию, предполагающую в себе жертвенность и принципиальное неприятие сложившейся общественной системы как мира насилия и несправедливости.

Естественно, это вещь абстрактная и туманная, которая не работает без конкретной онтологии, теории. Должна быть конкретная доктрина, собирающая всех этих потенциально взрывоопасных людей в некий луч, который представлял бы собой и класс, и партию в одном лице.

Проблема левой идеи, помимо ее беззубости, которая воцарилась с середины XX века, связана и с тем, что левой идее присуща родовая болезнь — вера в социум, который надо исправлять и корректировать, а мерой этой коррекции является в конечном счете концепция конкретного блага — причем скорее всего блага материального. Хотя нематериальные ценности тоже имеются в виду, но ясно, что рано или поздно эти нематериальные ценности будут в основном вытеснены сугубо материальными.

Вера в социум, некая фундаментальная социализованность является подводной миной, которая на пути левых рано или поздно сработает и потопит их корабль. Потому что механизмы складывания и функционирования глобального общества онтологически связаны с несправедливостью: практикой несправедливости и практикой насилия, а также с ложной и всегда идущей против справедливости поляризацией социального начала.

И вера в то, что эти правила можно изменить, социум можно оздоровить и сделать его благополучным, поднять во много раз всякие количественные показатели, представляется совершенно ложной.

Столь же ложной является концепция прогрессизма — мысль о том, что вчера были темные века, а только что был свет современности. Недаром сегодня мы отступаем от яркого проектного видения будущего.

Мне кажется, что уважаемый товарищ из Молдавии Марк Евгеньевич Ткачук несколько раз впал в противоречие с собой, когда говорил сначала о ситуативности, а потом об архетипичности мышления. Фундаментальные, повторяющиеся из раза в раз оппозиции «север—юг», «ислам—христианство» — это не ситуативность, а архетипичность. Но архетипичность никуда не уходила из европейского мышления, оно до сих пор не изжило Платона.

Моя идея сводится к необходимости пересборки протестной идеологии, из которой надо исключить то, что Михаил Леонидович назвал «подставой» капитализма, который придумал нам «левую идею» вместо той, которая была в XIX веке — с Бакуниным, баррикадами, Первым Интернационалом. Нужно возвращаться на протестную площадку, но с протестной онтологией и с атакующим классом. Иначе это будут разговоры в пользу бедных.

Андрей Фурсов. В современном мире много противоречий, и одно из них заключается в том, что социальная несправедливость стремительно нарастает, а реакции на нее со стороны объекта этой несправедливости практически нет — она нулевая. Например, за последнее десятилетие в Великобритании богатые стали богаче на 67 процентов, а бедные — беднее на 54 процента. Более того, в Англии выходит множество книг, в которых расписывается социальная война, которую ведут верхи против низов.

Эта война носит прежде всего экономический характер, — достаточно посмотреть последнюю книгу «Breadline Britain» о том, как основная мас-

са британских трудящихся и значительная часть среднего класса откатываются на уровень, который называется «breadline» — уровень хлеба.

Однако эта война носит и идейный, психоисторический характер, что проявляется в последовательной демонизации низов.

И тем не менее никакой сколь-нибудь заметной реакции, никакого ответа на это нет. Это говорит о том, что социальная система функционирует как-то не так, как это привыкли видеть в свое время марксисты и вообще левые.

Я бы хотел кратко взглянуть на проблемы левых в контексте истории капиталистической системы, потому что левое движение — это элемент в истории капиталистического движения. Как известно, не элемент определяет целое, а целое определяет элемент.

Антисистемные движения существуют во всех обществах, но в капиталистическом обществе впервые появляется исключительно важная вещь — возможность проектно-конструкторского подхода к истории, которая оформляется в середине XVIII века по целому ряду причин. Эта проектная деятельность начинает развиваться и порождает первый левый проект — якобинский. Он вырастает совершенно из разных источников: иллюминатства, масонства, классовых противоречий. И весь период 1789—1848 годов, названный Хобсбаумом «эпохой революций», представляет собой в разной степени реализацию левого проекта в тех или иных его формах.

Но к середине XIX века «эпоха революций» заканчивается, а масонство огосударвляется, на чем заканчивается его история, и дальше его можно уже не демонизировать. Происходит и еще одна важная вещь: «опасные классы», которые так хорошо описал в своих романах Эжен Сю, превращаются в рабочие классы, формируя постоянную социальную базу левого движения. В «длинные 50-е годы» XIX века, между европейской революцией 1848 года и реставрацией в Японии (1847—1867), которые очень хорошо уложились между «Манифестом Коммунистической партии» и первым томом «Капитала», формируется международное рабочее движение и возникают основные межгосударственные противоречия, которые в будущем очень активно будут использоваться левыми движениями. Левые движения будут использовать эти противоречия, а государства — активно использовать в своих интересах левые движения. То есть возникает тот стусок, тот кластер, который развяжется уже в последней трети XX века.

Интересно, что во второй половине XIX века стратегии левых в разных европейских странах были разными — в зависимости от специфики отношений государства и господствующего класса в этих обществах. Единой левой стратегии не было, потому что разными были общества. Например, во Франции было высокоинституционализированное государство, отделенное от господствующего класса, — и поэтому левая стратегия там приняла форму анархизма и синдикализма. В Германии же, наоборот, государство было высокоинституционализированно, но тесно связано с господствующим классом, — отсюда возникла страте-

гия, связанная с захватом государства, то есть социал-демократия. Наиболее странным случаем была Великобритания, где возникло слабоинституционализированное государство, отделенное от господствующего класса, — отсюда лейбористское движение. Причем во Франции левые партии создавали профсоюзы, а в Великобритании — наоборот, профсоюзы создавали левые партии.

В начале XX века началась новая эпоха революций, только уже не в Европе, а на периферии — там, где победили большевики. И опять же, победа эта была связана не столько с левым движением, хотя и с ним тоже, а прежде всего со спецификой долгой русской истории.

С одной стороны, на русской почве реализовался якобинский проект, а с другой — он реализовался такой властью, которая в течение нескольких столетий последовательно счищала с себя собственность. И когда она счистила ее с помощью контрэлита, возник системный антикапитализм. В немалой степени этому помогло, как это ни парадоксально, отсутствие в России мощного пласта материальной субстанции, характерной для Европы.

В свое время Тихомиров — бывший народоволец, а потом ренегат народовольчества, побывав во Франции, писал, что во французских деревнях он видит такое количество овеществленного труда, что не может представить, какая революция может его смести. И дальше он противопоставлял это России. Наличие «социальной стены» в виде овеществленного труда (а ведь капитал — это и есть овеществленный труд, который реализует себя в качестве самовозрастающей стоимости) — это серьезная преграда на пути революции.

В России ее не было.

После победы революции начинаются процессы превращения номенклатуры в «слой для себя», и после 1945 года начинается очень интересный процесс: на Западе возникает корпоратократия как особый слой. У нас, к сожалению, с середины 1950-х годов перестали изучать капитализм; мы начали переписывать сначала коммунистов, потом социалистов, потом левых либералов, потом докатились до неолиберальной шпаны вроде Хайека и Поппера, которыми и руководствовались люди, в 1990-е годы идейно оформлявшие разграбление России.

Между тем на рубеже 1960—1970-х годов на Западе произошло очень важное изменение: социальная база левого движения начала исчезать. Это было вызвано серьезными классовыми изменениями в западном обществе, порожденными в свою очередь новыми этапами технико-экономического развития. И наконец, та неолиберальная революция, а точнее — контрреволюция, которая пришла в лице Тэтчер и Рейгана и, по-видимому, закончилась в первые годы XXI века, всерьез подорвала базу левого движения.

Сегодня уже говорилось о беспроектности современного общества. Но что значит беспроектность?

Это означает исчерпание исторического потенциала, включая исчерпание дихотомии левых и правых.

Иногда, наблюдая споры левых и правых (да и наших государственныхников и либералов), я вспоминаю картину Крамского «Спор Никиты Пустосвята с иерархами церкви», которая висит в Третьяковской галерее. Исторический сюжет связан с тем, что после удаления от власти сторонников Никона у старообрядцев появилась надежда, что их вернут. Был устроен публичный диспут, по итогам которого старообрядцы предполагали занять место никонианцев, а царица Софья ожидала победу иерархов над старообрядцами. В ходе диспута Никита Пустосвят победил иерархов, и ему отрубили голову, — и картина Крамского очень хорошо передает историческое настроение. Вот стоит Никита Пустосвят, вот иерархи, вот Софья, они спорят — и не чувствуют, что споры их иррелевантны, что скоро придет мальчик с кошачьими усами, разгонит всех их, и начнется абсолютно новая эпоха с абсолютно новыми противоречиями.

Сегодня здесь уже говорилось о футуроархаике, дорогу к которой вымостил либерализм. Но сам либерализм, по-видимому, будет одной из первых жертв этой футуроархаики.

Когда о ней говорят «новое средневековье», «новые темные века» — это метафора, потому что на самом деле эта футуроархаика развивается на очень мощной высокотехнологической основе, и в этом заключается ее еще не осознаваемая нами особенность.

Возникающее сейчас общество — не просто средневековое общество, а что-то невиданное в истории, причем для анализа его нужен классовый подход, хотя оно развивается сейчас по логике разложения классового социума.

Когда мы говорим о стратегии на будущее, эта стратегия вроде бы направлена против капитализма; но дело в том, что верхушка современного капиталистического мира сама, своими руками демонтирует капиталистическую систему. И в этом отношении демонтажники оказываются в одной компании с верхушкой разрушаемой ими капиталистической системы.

Выработка стратегии в ситуации, когда система рушится, очень сложна, и у меня нет ответа на вопрос о том, какой будет эта стратегия. Но то, что она не будет левой, мне представляется совершенно очевидным.

Дарья Митина. Хотела бы начать с того же, с чего начал Александр Владимирович Бузгалин. Взрывной интерес к марксизму в мире представляет собой, как бы парадоксально это ни звучало, непреложный факт. Александр Владимирович говорил о Германии, а я хочу сказать о Великобритании как стране, которая наиболее сильно отринула марксизм, наиболее последовательно отказалась от него. Это, наверное, наименее марксистская страна Европы в настоящее время. Тем не менее в Германии вот уже пять лет рекорды по тиражности книг удерживает полное собрание сочинений Маркса, а в Великобритании сборник статей под редакцией нашего ведущего марксоведа Георгия Александровича Багатурии (кстати, многие ли в России знают про

него?) выдержал уже несколько переизданий, и сейчас готовится очередное.

Таким образом, интерес к левым идеям очевиден в любой точке планеты, хотя именно нам об этом слышать, может быть, немного странно, потому что Россия из передовой части человечества буквально за 20 лет превратилась в наиболее реакционный уголок планеты. Хотя здесь тоже все относительно: даже наши самые ожесточенные, самые злобные враги — тот же Анатолий Борисович Чубайс, на семинарах которого мне доводится бывать, — часто оперируют чисто марксистскими категориями. Чубайс, кстати, самым динамичным развивающимся государством называет Вьетнам. Он оперирует действительно марксистской лексикой, потому что либеральной кашей в виде хайеков и мизесов они кормят нас, а сами мыслят в совершенно марксистской парадигме.

Почему же этот интерес остается сугубо теоретическим, почему он не конвертируется в какое-нибудь преобразовательное действие, заметное в мировом масштабе?

Чтобы ответить на этот вопрос, давайте посмотрим: когда в XX веке левое движение достигало пиковых успехов?

Прежде всего это 1945 год: Великая советская победа над фашизмом, рост советского влияния и левого движения по всей планете, возникновение социалистического лагеря, под которым мы имеем ввиду отнюдь не только «третий мир». Во Франции коммунисты почти пришли к власти, им не хватило совсем немного, и в середине 1940-х Коммунистическая партия Франции имела реальные шансы стать правящей. Капиталистический мир, естественно, ответил усилением реакции там, где он мог ответить, а тогда он мог ответить отнюдь не везде (самый яркий пример такой реакции — это маккартизм в самих США).

Следующий пик успеха левого движения — это 1960-е годы, когда крушение колониальной системы, деколонизация привела к возникновению целого сонма независимых государств, к великому преобразованию всего мира.

Но что мы с вами видим по итогам этого преобразования? Окончательно ли мир избавился от колониальной зависимости?

Да, с формальной точки зрения, с точки зрения политических институтов эти страны получили независимость.

Однако с экономической точки зрения не вызывает никаких сомнений, что они как существовали, так и существуют в системе глобального разделения труда, и то, что мы сейчас наблюдаем по всему миру — это второй виток колониализма. Происходящее сейчас в Африке и Азии — это просто новое наступление колониализма, причем уже не только де-факто, но и де-юре. Потому что, когда за два года перевороты происходят в трех африканских странах, это представляется уже некоей новой закономерностью.

И рост правых движений — не праволиберальных, которые безраздельно доминируют сейчас в Евросоюзе и в евроатлантическом пространстве, а именно правонационалистических движений (Марин Ле

Пен во Франции, Хриси Авги в Греции, «Йоббик» в Венгрии и т. д.) — это в какой-то степени реакция на новый виток колониализма. То же самое происходит и в остальных странах мира. Ведь левый поворот в Латинской Америке, которым мы так гордимся и который мы приписываем нашему сегменту общества, — это не в собственном виде левый поворот, а всего лишь очередной виток национально-освободительного движения.

Левые и социалистические преобразования в той же Латинской Америке выглядят непоследовательными и половинчатыми именно потому, что это не столько левые преобразования, сколько очередной виток национально-освободительного движения — может быть, на новом витке спирали исторического развития.

Давайте посмотрим, где в мире управляют коммунистические, социалистические, левые партии — вне зависимости от того, как они себя называют. Все страны, политическое руководство которых так или иначе связывает себя с левой идеей, являются странами, которые сумели отстоять свой суверенитет и не поддались глобальной либерализации.

Наши оппоненты нам часто говорят, что нельзя быть суверенной страной, имея слабую экономику, — мол, вы сначала экономику постройте, и лишь потом можно будет говорить о суверенитете.

Это совершенно не так!

Страны, которые сберегли свой суверенитет, приумножили его и смогли поэтому в той или иной степени ориентироваться на левые идеи, очень сильно отличаются друг от друга по уровню своего экономического развития.

Возьмите Китай — вторая как минимум по своим масштабам экономика мира. Но уже Вьетнам, который за свой суверенитет заплатил кровью и страшной войной, развит заметно меньше. А КНДР гораздо беднее, скажем, Бельгии по уровню личного потребления, — но у нее на порядок больше суверенитета, пусть даже и вынужденного, чем у этой страны, скованной капиталистическими кандалами Евросоюза.

В случае КНДР речь идет о суверенитете, которого далеко не всем удастся добиться. В той же Латинской Америке, например, мы тоже видим отсутствие полного суверенитета, потому что все международные экономические организации, создаваемые ее странами, пока что не работают в полную силу.

А вот Куба сохранила свой суверенитет, несмотря на то, что ее экономическое развитие оставляет желать лучшего, и при том, что после распада СССР наша страна ее, по сути дела, бросила и предала. Вспомните, сколько было разговоров о том, что, когда развалится Советский Союз, Куба тут же расстанется со своей независимостью и опять превратится в большой публичный дом США — как Гаити и некоторые другие страны. Однако ничего подобного не происходит.

Рассматривая Латинскую Америку, надо отметить, что мы, левые, почему-то забываем о такой важной для нас стране, как Эквадор. Мы очень много говорим о Венесуэле и очень мало об Эквадоре.

Может быть, потому, что там меньше внешних признаков левизны?

Да, там нет портретов революционных деятелей на улицах, и там большую роль сохраняет католичество. Но там высочайший уровень партисипативной демократии, «демократии участия», и там функционирует реальное местное самоуправление — совершенно не такое бутафорское, смешное, игрушечное, как у нас. В Эквадоре нет кричащей имущественной поляризации населения — там нет ни сверхбогатых, ни супербедных. Децильный коэффициент там не превышает 10 раз, а не составляет многие десятки раз, как в современной России.

Каждая страна сама ищет свой путь развития и свой выход из тупика глобализации, и взрывной рост популярности правонационалистических партий в Европе — частный случай этого поиска.

Говоря о греческой СИРИЗА, мы не можем предъявлять претензии Ципрасу в связи с тем, что он взял предложенный транш и не пошел на кардинальные преобразования. Его нельзя обвинять в оппортунизме, потому что Греция не в состоянии пока сказать «нет» экономическому диктату. И выбор у греческих левых, несмотря на их политическую победу, небольшой: либо отказаться от сложившегося кабального европейского разделения труда и получить немедленный коллапс экономики и политический крах в качестве результата, либо принять транш и «стать в стойло» — что, собственно, мы и видим, несмотря на весь радикализм СИРИЗА. Более того: если бы на выборах в Греции победила не СИРИЗА, а даже коммунистическая партия или радикально левый блок «Антарсия», перед ними стоял бы точно такой же выбор. И я совершенно не уверена, что они сделали бы выбор, отличный от СИРИЗА.

На мой взгляд, это говорит лишь о том, что Маркс оказался прав в своей ключевой идее: социализм в отдельно взятой стране построить нельзя. И пока усилия по освобождению от капиталистического ига не будут интернационализированы, глобализированы, ничего получиться не может. Одна Греция сама по себе ничего не сделает, но вот в союзе с пятью европейскими странами она уже может сделать многое. Условно говоря, если «раскачается» небольшая Исландия, если ее поддержат хотя бы пять стран даже не самого высокого уровня развития, это будет уже качественный прорыв.

Мы испытали верность этого тезиса Маркса на себе. Сталин отказался от постулата о невозможности построения социализма в одной стране и стал строить социализм в одиночку. Да, сталинский социализм достиг грандиозных успехов, максимально возможных в исторических условиях того времени, но просуществовал не так долго и пал под влиянием внешней конъюнктуры. Можно спорить, каково соотношение внешнего и внутреннего факторов в этом падении, но я не склонна преуменьшать внешний. Да, в значительной степени созданная им система сгнила изнутри, но влияние внешнего фактора было огромным, и мы никуда от глобализации не денемся, тем более в настоящее время.

Причина положения, в котором оказалось левое движение в России сейчас, заключается в депролетаризации, маргинализации и люмпенизации экономики и общества. Вероятно, многие на меня будут обижаться, но я глубоко убеждена в отсутствии в современной России рабочего класса. Не потому, что нет рабочих: они всегда есть как люди, которые производят все блага, за счет которых живет мир. Однако одни из самых существенных атрибутов класса — классовое сознание и умение отстаивать классовые интересы — сегодня, к сожалению, у российских рабочих отсутствуют. И пока они не появятся, левые будут находиться в нынешнем положении.

В 2011—2012 годах, когда наблюдался некий общественный подъем, на который и мы возлагали большие надежды, левые из всех тогдашних сегментов протестной среды проиграли наиболее значительно.

Наши оппоненты говорят, что причина поражения — в сотрудничестве с либералами и во взаимодействии с националистами. Однако это совершенно не так. Как уже говорилось, классовое деление давно не абсолютно. И олигархам из КПРФ гораздо теплее и удобнее рядом с Касьяновым и Ходорковским, чем с Тюлькиным и Удальцовым.

Мы проиграли по совершенно иной причине — потому что движение опиралось на непроектируемые слои общества. Мы с вами все — как бы нам ни неприятно это было слышать — в определенном смысле являемся люмпенами, пусть даже и с высоким уровнем потребления. А ведь никогда еще ни один непроектирующий класс не делал ни одной революции.

Да, можно разрушить свою страну силами 30 тысяч люмпенов — как это было в Киеве; но это не революция, это коллапс и крах. А вот Египет за три года совершил две революции в полном смысле этого слова, потому что движущими силами там были именно проектирующие слои общества.

Анатолий Баранов. Я начал бы с того, что все мы живем в истории. У нас в тему дискуссии вынесен плохо завуалированный упрек: мол, история продолжается, а левое движение проседает. Но давайте вспомним, что история — наука длинных циклов. Никто же не упрекает христиан, что они в период до Марка Аврелия включительно почему-то не входили в состав сената. Обстоятельства не складывались, а потом они вдруг неожиданно стали государствообразующей конфессией. И кстати, с этого момента у них и начались самые большие проблемы. Потому что прорывная идея, призванная дальше продвинуть позднюю античность на пути прогресса, наложилась на мрачные «темные века», обросла суевериями и к эпохе Реформации превратилась в собственную противоположность. Я говорю сейчас о христианстве и марксизме, разумеется, не в конфессиональном, а в сугубо мировоззренческом плане.

Когда мы говорим о том, что нет нового левого проекта, хочется спросить: марксизм — это теория или проект? Мы же не говорим о застое в арифметике, потому что уже много веков никто не менял таблицу умножения?

Так и тут. Речь идет не о некоей единственной «прорывной» идее: существует теория, исчерпывающе объясняющая общественно-экономические процессы, и вопрос заключается в наложении этой теории на историческую действительность, в которой мы все живем.

Товарищ Бузгалин очень подробно описал процесс социокультурной деградации, в которой находится не только наш, но глобальный социум. А что такое процесс социокультурной деградации, как не в первую очередь деградация производительных сил — процесс, происходящий в базисе, а не в надстройке? Мы тут сидим и думаем, почему надстройка не может подстегнуть базис. А она в принципе не может подстегнуть базис просто потому, что она — надстройка. Она может только в том или ином смысле этому базису соответствовать.

А базисные процессы очевидны. Борис Юльевич посетовал, что наша социальная база размывается и оккупирована сейчас совершенно другими, не левыми политическими силами, начиная с «Единой России». Но это же не признак силы соответствующих идей — это признак проблем в базисе. Он деградирует, он опускается куда-то к феодализму. Мы же знаем прекрасно, что промышленность намного старше, чем капитализм: достаточно вспомнить, как на демидовских заводах пытались приспособить крепостных крестьян к работе в промышленности.

Наше государство давно отказалось от прямого директивного управления. Оно занимается только тарифным и нетарифным регулированием, а полномочия управления промышленностью делегирует тем или иным «князьям» — причем неважно, происходят эти «князья» из частных олигархических групп или из условно государственных предприятий. Возьмите устав любого ФГУП: там те же самые, по сути дела, феодальные отношения — государство назначает генерального директора и делегирует ему все полномочия карать и миловать. Да и внутри формально «современного» производства отношения формируются достаточно феодально. Какое там классовое сознание, какое там профсоюзное движение, — мы прекрасно знаем, что происходит с независимым профсоюзным движением в условиях нашего формирующегося нефеодализма.

Это серьезная проблема, которую надо понимать, а главное — думать, каким будет ответ на описанную тенденцию. Кто-то уже сказал, что основной ответ — это взятие власти и возвращение на путь прогресса. Но мы понимаем, что взятие власти на данный момент в России является вопросом дискуссионным. Мы говорим о реиндустриализации — но прекрасно понимаем, что реиндустриализация под управлением феодалов навряд ли возможна. Феодальный принцип управления производством, помимо всего прочего, заключается в том, что управляют производством и владеют им, по сути дела, люмпены, то есть люди, не связанные с этим производством, пришедшие со стороны и на этом заводе подчас никогда и не бывавшие.

Левое движение может реализовываться, как верно заметил Кагарлицкий, отнюдь не в условиях кризиса. Оно может реализовываться как раз преимущественно в условиях роста производительных сил, экономического развития.

У нас перед глазами Донецкая и Луганская республики, где нет природных ресурсов — нет ничего, кроме промышленности и полуисчерпанных месторождений очень дорогого угля. И там сейчас ситуация парадоксальная: все признают, что около 90 процентов социума придерживается левой идеологии.

Если бы там были разрешены политические партии, там были бы коммунистические партии — и никаких иных. Однако надстройка — а мы понимаем, каким образом она там сформировалась, — является носителем принципиально иной парадигмы. В результате власти в этих республиках осуществляют, по сути, либеральное и к тому же несамостоятельное управление.

При этом туда, в Новороссию, российские олигархические группы войти не могут — спасибо санкциям. И банковский капитал тоже туда войти не может — спасибо санкциям. Схожая ситуация сложилась и в Крыму: и войны нет, и много привлекательных активов, а олигархам туда зайти нельзя.

И возникает вопрос: а за счет чего тогда будут реиндустриализовываться, восстанавливаться и развиваться эти территории? В связи с этим напомним нашу старую программу единых требований трудовых коллективов в условиях массовых актов протеста, разработанную после очередной кошмарной аварии на Кузбассе. Программа есть, и она живет, в том числе в ряде выступлений промышленных рабочих на постсоветском пространстве, не говоря уже о программах ряда левых движений и партий. Среди прочего она предусматривает очень простой механизм — ключевое участие трудовых коллективов в управлении производством.

И вот, например, в Новороссии это единственный способ восстановить там производство. Альтернативы передаче, делегированию полномочий трудовым коллективам там просто нет, так как, повторю, олигархические группы извне туда зайти не могут, а местные правительства не в состоянии управлять промышленными активами.

Более того, эхо этого процесса мы видим и в России. Только что встал вопрос о судьбе кондитерской фабрики в Липецке, принадлежащей Порошенко. Понятно, что закрыть ее нельзя — это 13 тысяч работающих. Национализировать в пользу российского государства очень сложно, здесь есть масса проблем. Продать кому-то тоже нельзя — никто не купит. И уже Общественная палата Липецкой области, совершенно независимо от левых, предлагает передать эту фабрику трудовому коллективу, создав тем самым народное предприятие. Просто потому, что по-другому никак не получается.

И в этот естественный, стихийный процесс в качестве направляющей, а то и руководящей силы может встроиться левое движение, которое понимает, как и почему этот процесс развивается.

Так что у левых далеко не все так плохо, даже в текущем историческом процессе.

Михаил Делягин. Вынужден огорчить: Липецкая область обладает очень серьезной спецификой. Ее губернатор — яростный сторонник и пропагандист народных предприятий. Так что, возникни проблема с фабрикой Порошенко в каком-нибудь другом регионе, о народном предприятии как оптимальной форме могли бы и не вспомнить.

К сказанному о судьбе левой идеи могу добавить единственное, на мой взгляд, еще не сказанное: левое движение — инструмент, созданный капитализмом для повышения его эффективности. Сейчас, когда капитализм начал рушиться, левое движение отбрасывается: оно не нужно капитализму, потому что тому не до эффективности, речь о самосохранении. Сейчас происходит качественный перелом ситуации, и левые на этом переломе могут остаться в прошлом.

Спасибо большое, уважаемые коллеги. ◆